

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ИНФАНТИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА НА ГЕНДЕРНУЮ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ

Ахмедов Рустам Каримович – аспирант кафедры культурологии, Северо-Кавказский государственный институт искусств, г. Нальчик. E-mail: akhmedovrk@gmail.com

В статье оценивается влияние возрастающей инфантильности общества на стирание гендерных различий и появление новых социально-половых ролей как новый ракурс рассмотрения соответствующих проблем гендера. Помимо непосредственной связи инфантильности с выбором гендера отдельно взятыми индивидами, автор находит истоки детского мировосприятия преимущественно в явлении социальной неотении, масштабной неразрешенности комплексов Эдипа и Электры, а также в широком генетическом разнообразии. В итоге выдвигается гипотеза, заключающаяся в том, что «классические» мужские и женские социально-половые роли будут продолжать рас-слаиваться.

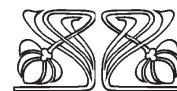
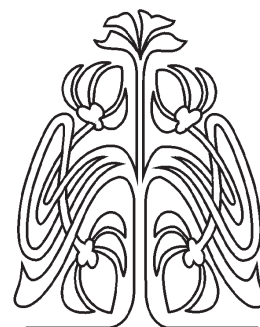
Ключевые слова: гендер, инфантильность, социальная неотения, комплекс Эдипа, естественный отбор.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-125-130

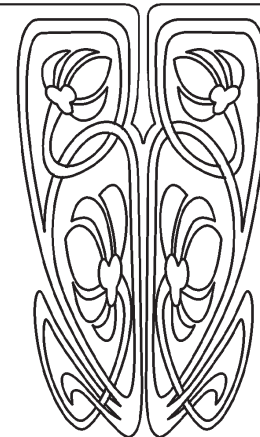
Одной из тенденций современности, вызывающей дискуссии, является стирание гендерных различий. Суть проблемы состоит в инертности культуры по отношению к новым трансформациям социально-половых ролей, что нередко приводит к бытовым и социальным конфликтам между представителями традиционных и новационных гендеров. Средством же решения проблемы может быть определение оснований и механизмов гендерной дифференциации. По нашему мнению, одним из значительных факторов, сейчас влияющих на стирание гендерных различий, служит возрастание психологически инфантильной части населения.

Согласно Л. С. Выготскому, инфантилизм – это явление качественной недоразвитости когнитивных функций, психики [1]. Из-за этого нарушается формирование зрелой личности, сложных типов поведения. К инфантилизму можно отнести нежелание нести ответственность, неофилию (стремление к постоянному обновлению впечатлений по К. Лоренцу), детерминированность деятельности почти исключительно настоящим, непрагматичность, некритическое отношение к воспринимаемой информации, зависимость и пр. [2].

Гендерный же аспект, будучи фундаментальным и затрагивающим множество форм сложного поведения, не может не испытывать влияния инфантильности, общей недоразвитости когнитивных функций и психики. Поэтому «детская» бесполость представляется нам одним из частных случаев пролонгирования детского сознания. Под бесполостью понимается неклассическая, слабо выраженная мужская или женская социальная половая роль. Показателем связи психологического инфантилизма и гендера может быть связь физиологической неотении и ослабления полового диморфизма [3].

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Предположение о возрастающей инфантильности общества автором выдвигается по ряду причин. В первую очередь, это ожидаемо: во-первых, феномен социальной неотении является адаптивно выгодным подсознательным ответом общества на требования современного образа жизни, в частности, в связи с возрастанием темпов жизни, к которому молодое пластичное сознание гораздо легче приспосабливается; во-вторых, из-за упразднения в наши дни обрядов инициации как неотъемлемых элементов любой архаичной культуры, значительно возрастает частота неразрешенности комплексов Эдипа и Электры (женской версии Эдипова комплекса); в-третьих, развитие системы здравоохранения, в частности репродуктивной и перинатальной медицины, привело к снижению пресса естественного отбора на людей со слабо выраженной половой конституцией.

Первая из обсуждаемых причин – «социальная неотения» более-менее исследована. Детское мировоззрение приводит к уменьшению приспособленности к текущим условиям жизни, но увеличивается приспособленность к изменениям этих условий, что делает восприятие более гибким. Это выгодно в современном быстроразвивающемся, динамичном мире, когда человек, согласно гипотезе Черной королевы, «должен бежать, чтобы стоять на месте» [2]. Гораздо чаще именно инфантильным людям мы обязаны множеством произведений искусства, научных открытий, что порождает высокий спрос на таких личностей во всех сферах творческой деятельности, бизнеса и т.д. [2].

Со второй причиной инфантильности ситуация обстоит немного иначе, так как среди психологов нет единого мнения по поводу существования комплексов Эдипа и Электры, которые лежат в основе гипотезы об их неразрешенности как источнике инфантильности. Рассмотрение автором обсуждаемых комплексов происходит в относительном отрыве от учений З. Фрейда, К.-Г. Юнга и других пионеров психоанализа, так же как отличается и вкладываемый в эти понятия автором смысл [4–6]. Их выводы строились на клиническом опыте, статистике и интуиции, что весьма спекулятивно и часто служит причиной непринятия многими их гипотез, в том числе о существовании комплексов Эдипа и Электры. Мы подходим к вопросу существования этих комплексов, оперируя накопленными эмпирическими материалами из смежных психоанализу наук – биологии, генетики, этологии и эволюционной психологии.

Во-первых, как специфика полового диморфизма человека, так и гендерные предрасположенности закрепились на генетическом уровне

посредством полового и естественного отбора. Иными словами, при переходе к моногамии выживали только дети мужчин, испытывавших влечение к женщинам, которые любили детей, были предрасположены к внимательности, терпеливости, заботливости, усидчивости и т.д. Из-за генетического наследования предпочтений от отца мальчики подсознательно могут стремиться найти себе в спутницы женщину, внешне и/или по характеру похожую на их мать, аналогичная ситуация с девочками [7, 8].

Во-вторых, наличное бытие сигнализирует человеку на подсознательном уровне, что типаж его родителя противоположного пола является апробированным временем, успешным в репродуктивном плане, а следовательно, подходящим и для него. Залогом же успеха у противоположного пола, имеющего типаж соответствующего родителя, может служить достижение социального уровня родителя своего пола – отсюда также и подсознательная конкуренция с родителем своего пола: он расценивается как доминирующая особь, чьего статуса в иерархии необходимо достигнуть или превзойти.

В-третьих, было установлено, что люди испытывают больше симпатии (сексуального влечения) к лицам противоположного пола, похожим лично на них психологически и/или внешне, разумеется, с учетом полового диморфизма [9]. Это объясняется подсознательным стремлением к увеличению вероятности передачи своих генов как адаптивно значимых признаков собственной антропологической общности, так и неадаптивно значимых. Если принять во внимание, что наиболее похожими на нас людьми являются наши близкие родственники, то и подсознательные инцестуозные влечения представляются довольно закономерными.

Существование генетически обусловленного влечения к похожим на нас людям может подтверждаться важной ролью в видообразовании таких частных случаев союзов похожих людей, как близкородственные. При квантовом видообразовании, в небольшой колонии, часто географически изолированной от основного вида, новые признаки быстро закрепляются из-за невозможности их «рассеивания» среди «нормальных», а также из-за вынужденных близкородственных союзов – в итоге происходит эволюционный скачок, появляется новый биологический вид [10]. В настоящее время при помощи инбридинга ученые производят селекцию многих сортов растений и пород животных: так эволюция протекает гораздо быстрее – всего в два этапа (локальная раса – вид), а не в четыре (локальная раса – географическая раса – аллопатрический полувид – вид) [10].

Однако, несмотря на роль инбридинга в эволюции, вероятность рождения потомства, несущего адаптивно полезные новые мутационные признаки при кровосмесительных браках, мала, в то время как негативная роль накопления мутационного груза – велика. Поэтому у многих видов приматов при отборе выработаны механизмы избегания близкородственных связей: первый – экзогамия, когда часть молодого поколения одного из полов при достижении репродуктивного возраста изгоняется или уходит из родительской фратрии (патрилокальность или матрилокальность); второй – подавление сексуального влечения к тем, с кем детеныш/ребенок вырастает, даже при возможном отсутствии генетического родства. Эти механизмы ориентированы на избегание связи брат–сестра как наиболее вероятной из-за принадлежности их к примерно одной возрастной группе, что делает их более взаимнопривлекательными партнерами, но распространяются также и на связь с родителем [11].

Это влечение формируется в подсознании исходя из трех вышеописанных причин: наследования на генетическом уровне «вкусов» родителя своего пола, подсознательного превращения родителя противоположного пола в эталон, влечения к похожим на мать/отца внешне и/или психологически людям, что увеличивает вероятность передачи его генов. Затем влечение подавляется механизмом предотвращения близкородственных связей посредством эволюционно приобретённого внутреннего механизма отключения либидо к представителям противоположного пола, с которым человек вместе вырос либо проводил много времени в раннем детстве. Результирующие комплексы заключаются в подсознательном влечении человека к родителю противоположного пола и таким же подсознательным соперничеством с родителем своего пола.

Решением комплексов Эдипа и Электры в абсолютном большинстве известных архаичных культур были мужские и женские инициации. Из-за очень распространенного табу на инцест целью инициаций было не непосредственное пресечение инцестуозных связей, о которых не могло быть и речи, а «лечение» психологических проблем, вызванных невозможностью человеком не только осознать свои подавленные глубинные желания, но и реализовать их. В итоге одной из задач инициации было примирение иницируемого с родителем своего пола и перенаправление его влечений с родителя противоположного пола на других.

Обряды посвящения мальчиков и девочек состояли из двух основных частей, символизировавших смерть социальной роли ребенка и

рождение полноценного/полноценной мужчины/женщины, но были и различия. При инициации мальчика забирали из родительского дома, и некоторое время он жил только среди мужчин своего племени. Делалось это для сепарации от матери, в обществе которой мальчик себя чувствовал уютно, беззаботно, защищенно, т.е. еще ребенком, а также для разрыва психологической связи с ней, излишней привязанности, которая частично есть неосознанная рационализация Эдипова комплекса и инфантильных желаний. В рамках первой части инициации встречались различные насильственные действия, например, обрезание, ритуальные убийства животных и другие обряды, олицетворяющие символическую смерть мальчика соответствующей социальной возрастной страты [12]. Далее, после символической смерти, его посвящали в таинства мужского общества, давали ему новое имя, символизирующее начало новой жизни. Проходило обучение мужчинами рода, затем были трудные испытания, и на последней стадии в родное племя бывший мальчик возвращался в роли мужчины, который мог вступить в брак. Эдипов комплекс успешно разрешался уравниванием социально-половых ролей сына и отца: вступление сына в брак означало его символическое слияние со своим отцом, а его жены – с его матерью [12].

В ритуалы посвящения девочек, внешне похожие на мужские, вкладывался иной психологический смысл. Девочек аналогичным образом забирали из семьи в сугубо женское общество: там их посвящали в таинства женственности, происходила передача знаний от опытных взрослых женщин племени. Для девочек эти меры были предпочтительными по причине подсознательной агрессивности матери к своей иницируемой дочери: первая не была заинтересована в становлении своей дочери как женщины, так как равный с ней социально-половой статус ставил дочь в положение «официальной» конкурентки матери на внимание её мужа. Иначе говоря, мать-«мачеха» могла непреднамеренно передавать дочери установки, которые не дали бы последней ощутить свою женственность, выйти из роли девочки и войти в роль женщины, несмотря на сознательную заинтересованность матери в общей успешности дочери [13]. По окончании посвящения девушка становилась женщиной и могла выйти замуж. Механизм разрешения комплекса Электры был аналогичен механизму разрешения комплекса Эдипа – за счет получения социального статуса, идентичного материнскому, и замужеству [13].

Отсутствие обрядов инициации как результат перехода культур от традиционного типа к новационному привело к тому, что значительной

части мужчин и женщин не удастся разрешить обсуждаемые комплексы. Это одна из вероятных причин распространения новых гендеров, стирания различий между мужским и женским. У неиницированных людей не происходит символической смерти социальной роли ребенка, из-за чего не появляется некоего вакуума для формирования зрелой мужской или женской социальной роли, поэтому они инфантильны, незрелы: в каждом живет ребенок, а дети социально бесполо.

Из-за отсутствия у инфантильных личностей опыта гиперфеминизированного бытия для женщин или гипермаскулинного бытия для мужчин (который может черпаться от окружения или при инициации) любые утверждения о том, какими должны быть «настоящие» мужчина или женщина, не несут вкладываемого в них значения и воспринимаются инфантильными индивидами как навязчиво насаждающиеся архаичные представления. В итоге такие «долженствования» часто приводят к результату, обратному цели. Попытки популяризации двух традиционных гендеров в рамках целых обществ можно сравнить со снятием симптомов серьезной болезни, в то время как развитие болезни делает еще более тяжелым её непосредственное лечение.

Помимо вышеописанных двух факторов на расслоение социально-половых ролей и соответствующих семейно-ценностных ориентаций оказал влияние и естественный отбор, так как за счет повышения уровня жизни и развития медицины выживать стали очень многие из тех, чьи гены раньше были бы отсечены отбором, что, в свою очередь, привело к увеличению генетического разнообразия. Так, человек может оставаться инфантильным и пройдя инициацию, т.е. из-за неких своих генетических особенностей, отвечающих за поведение. Сюда же можно отнести врожденные типы гомосексуализма, транссексуализма; также генетически обусловленным может быть нежелание иметь детей, вступать в брак и т.д. и т.п.

Далее, переходя от ожидаемых причин инфантилизации общества к реальности, можно утверждать, что существует немало фактов, свидетельствующих в пользу выдвигаемой гипотезы. Например, В. А. Шупер видит в инфантилизации общества причину повального снижения критического восприятия получаемой информации и опасается новой волны «восстания масс» [14]. Я. Бернарди среди признаков инфантилизации общества выделяет: появление и увеличение числа кидалтов (взрослых людей, сохраняющих свои детские и юношеские увлечения); популярность детских фильмов у взрослых; огромное количество взрослых людей, играющих в видео-

игры; высокую частоту разводов; стремление к внешней молодости за счет пластических операций или ношения не совсем «взрослой» одежды; общую спонтанность в жизни и т.п. [15]. Многие признаки инфантилизации были описаны И. Хейзинга [16].

На основе полученных данных можно предпринять попытку спрогнозировать изменения ситуации с социально-половыми ролями в ключе влияния на них трех независимых вышеописанных факторов.

Во-первых, из-за расширившегося генетического разнообразия количество всевозможных гендеров, как и количество индивидов с маргинальными социально-половыми свойствами, будет расти по мере расширения правового пространства в мире. Процесс этот будет продолжаться не очень долго, так как все индивиды с «дефектными» гендерами из-за генетической обусловленности последних будут вовлечены в процессы естественного отбора, что, в итоге, приведет к уменьшению их количества. Иными словами, инфантильные по причине генетических особенностей люди из-за социального давления занимались тем, чем занимались остальные «нормальные», в то время как в наши дни права позволяют таким людям реализовывать себя так, как они того желают, что далеко не всегда совместимо со стремлением к рождению и воспитанию детей. Таким образом, эта часть населения со временем будет отсечена отбором, что приведет к уменьшению доли таких людей и гендерного разнообразия.

Во-вторых, с другой стороны, с социальной неотенцией как реакцией на современный уклад жизни, вероятнее всего, бессмысленно бороться, тем более что этот феномен адаптивно оправдан, т.е. количество и социально-половых ролей, и индивидов с соответствующими неклассическими гендерами будет расти.

В-третьих, что касается проблем неразрешенности комплексов Эдипа и Электры, можно предположить, что отсутствие обрядов инициации вряд ли будет чем-либо заполнено, так как эта проблема может решаться только на глобальном уровне, а для этого требуются желание, понимание сего феномена и воля, а всё это вряд ли будет достигнуто из-за расхождения мнений среди ученых о существовании и природе комплексов Эдипа и Электры, их биологической детерминированности, социальных проявлений их неразрешенности, методов их преодоления и т.д. Поэтому количество инфантильных личностей будет, вероятнее всего, увеличиваться, что имеет прямую корреляцию с количеством как маргинальных гендеров, так и лиц с такими гендерами.

Сделать общий прогноз не представляется возможным из-за отсутствия четких данных о динамике и тенденциях психологической инфантильности, а также из-за неопределенности вектора некоторых социальных движений, ответственных за большую часть существования массы населения с детскими или несформированными социально-половыми ролями.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956. 300 с.
2. *Ахохова Е. А., Елеева М. М., Тайсаев Д. М.* Социальная неотения как форма «ответа» на социокультурные «вызовы» времени // *Вопр. культурологии*. 2012. № 8 (август). С. 23–27.
3. *Hea B. T.* Heterochrony in human evolution : The case for neoteny reconsidered // *Yearbook of physical anthropology*. 1989. Vol. 32. P. 69–101.
4. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. М., 2008. 288 с.
5. *Фрейд З.* Я и Оно. М. ; Харьков, 2002. 864 с.
6. *Юнг К.-Г.* Критика психоанализа. СПб., 2000. 304 с.
7. *Marcinkowska V. U., Rantala J. M.* Sexual Imprinting on Facial Traits of Opposite-Sex Parents in Humans // *Evolutionary Psychology*. 2012. № 3. P. 621–630.
8. *Saxtona T. K., Littlec A. C., Rowland H. M., Gao T., Roberts C. S.* Trade-offs between markers of absolute and relative quality in human facial preferences // *Behavioral Ecology*. 2009. № 5. P. 1133–1137.
9. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2007. 794 с.
10. *Грант В.* Эволюционный процесс. М., 1991. 488 с.
11. *Бутовская М. Л., Файнберг Л. А.* У истоков человеческого общества (поведенческие аспекты эволюции человека). М., 1993. 256 с.
12. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. Киев, 1997. 384 с.
13. *Ефимкина Р.* Пробуждение Спящей Красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках. СПб., 2006. 271 с.
14. *Шунер В. А.* Великая ошибка Карла Поппера : открытое общество в условиях антинаучной революции // *Мир России*. 2002. Т. 11, № 3. С. 86–95.
15. *Bernardini J.* The Infantilization of the postmodern adult and the figure of kidult // *Postmodern Openings*. 2014. № 5. P. 39–55.
16. *Хейзинга И.* Homo Ludens. Человек играющий. М., 2007. 384 с.

The Impact of Growing Infantilism in the Community on the Erasure of Gender Differences

R. K. Akhmedov

North Caucasian State Institute of Arts
1, Lenin ave., Nalchik, 360000, Russia
E-mail: akhmedovrk@gmail.com

The paper assesses the impact of growing infantilism in the community on the erasure of gender differences and also the emergence of new

social and gender roles from the fresh perspective on relevant gender issues. In addition to the direct connection of infantilism and a gender choice of a single individual, the author finds sources of infantile perception of a multitude of people mostly in the social phenomenon of neoteny, widescale unaccomplished Oedipus and Electra complexes, as well as in a wide genetic diversity. As a result, the author puts forward the hypothesis (in the light of the results of this work) that indicates further separation of «classic» male and female social and gender roles that will continue to diverge in different directions.

Key words: gender, infantilism, social neoteny, Oedipus complex, natural selection.

References

1. *Vygotskiy L. S.* *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya* (Selected psychological works). Moscow, 1956. 300 p.
2. *Akhokhova E. A., Eleeva M. M., Taysaev D. M.* *Sotsialnaya neoteniya kak forma «otveta» na sotsiokulturnye «vyzovy» vremeni* (Social neoteny as a form of «response» to the socio-cultural «challenges» of time). *Voprosy kulturologii* (Issues of culturology), 2012, no. 8 (August), pp. 23–27.
3. *Shea B. T.* Heterochrony in human evolution: The case for neoteny reconsidered. *Yearbook of physical anthropology*, 1989, vol. 32, pp. 69–101.
4. *Freud S.* *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. Und verwandte Schriften*. Frankfurt/M., 1991. 160 p. (Russ. ed.: *Freyd Z. Tri ocherka po teorii seksualnosti*. Moscow, 2008. 288 p.).
5. *Freud S.* *Das Ich und das Es: Metapsychologische Schriften*. Frankfurt/M., 1991. 368 p. (Russ. ed.: *Freyd Z. Ya i Ono*. Moscow; Kharkov, 2002. 864 p.).
6. *Jung C.-G.* *The theory of psychoanalysis*. New York, 1915. 135 p. (Russ. ed.: *Yung K.-G. Kritika psikhooanaliza*. St.-Petersburg, 2000. 304 p.).
7. *Marcinkowska V. U., Rantala J. M.* Sexual imprinting on facial traits of opposite-sex parents in humans. *Evolutionary Psychology*, 2012, no. 3, pp. 621–630.
8. *Saxtona T. K., Littlec A. C., Rowland H. M., Gao T., Roberts C. S.* Trade-offs between markers of absolute and relative quality in human facial preferences. *Behavioral Ecology*, 2009, no. 5, pp. 1133–1137.
9. *Mayers D.* *Social psychology*. New York, 2010. 759 p. (Russ. ed.: *Mayers D. Sotsialnaya psikhologiya*. St.-Petersburg, 2007. 794 p.).
10. *Grant V.* *The evolutionary process, a critical study of evolutionary theory*. New York, 1991. 487 p. (Russ. ed.: *Grant V. Evolyutsionnyy protsess*. Moscow, 1991. 488 p.).
11. *Butovskaya M. L., Faynberg L. A.* *U istokov chelovecheskogo obshchestva (povedencheskie aspekty evolyutsii cheloveka)* (At the root of human society {behavioral aspects of human evolution}). Moscow, 1993. 256 p.
12. *Campbell J.* The hero with a thousand faces. Novato, 2008. 432 p. (Russ. ed.: *Kempbell Dzh. Tysyachelikiy geroy*. Kiev, 1997. 384 p.).
13. *Efimkina R.* *Probuzhdenie Spyashhey Krasavitsy. Psikhologicheskaya intsciatsiya zhenshchiny v volshebnykh skazkakh* (Waking Sleeping Beauty. Psychological

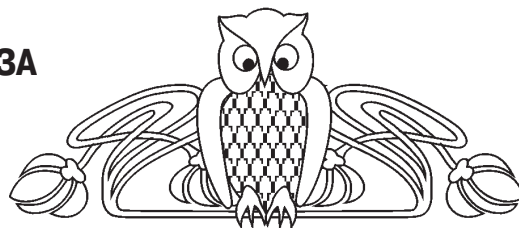

- initiation of a woman in fairy tales). St.-Petersburg, 2006. 271 p.
14. Shuper V. A. Velikaya oshibka Karla Poppera: otkrytoe obshchestvo v usloviyakh antinauchnoy revolyutsii (The great mistake of Karl Popper: The open society under anti-scientific revolution). *Mir Rossii* (World Russia), 2002, vol. 11, no. 3, pp. 86–95.
15. Bernardini J. The infantilization of the postmodern adult and the figure of kidult. *Postmodern Openings*, 2014, no. 5, pp. 39–55.
16. Huizinga J. *Homo ludens: Versuch einer Bestimmung des Spielelementes der Kultur*. Amsterdam, 1938. 345 p. (Russ. ed.: Heyzinga I. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy*. Moscow, 2007. 384 p.)

УДК 167

КУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Богатырева Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ebogatyreva@yandex.ru

Целью статьи является социокультурный анализ культурного конфликта. Конфликт рассматривается как атрибутивная составляющая любой системы культуры. Специфичность характеристик культурного конфликта исследуется в сравнении с конфликтом социальным; уточняются их сходство и различие. Проведен анализ характеристик культурного конфликта: культурного шока, культурного запаздывания, культурного сопротивления. Делается вывод о том, что природа культурного конфликта присутствует в культурной системе, обусловлена присущим ей базовым противоречием между традициями и новациями. Сущностные характеристики культурных конфликтов оказывают влияние на ритмы культурных процессов, детерминируют устойчивость или распад культурных форм и систем.

Ключевые слова: культурный конфликт, социальный конфликт, культурный шок, культурное запаздывание, культурное сопротивление.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-130-134

Изучение современного состояния культуры как целостной системы предполагает рассмотрение её различных моделей в состоянии конфликта. Необходимость культурологического анализа характеристик устойчивости и уязвимости, гармонии и нестабильности, вероятности и рискогенности обусловлена задачей теоретического осмысления конфликта с целью выработки рекомендательных практик его преодоления и нивелирования.

Социокультурный анализ предполагает исследование двух видов конфликта – социального и культурного. Логика познания предполагает в качестве первичной когнитивной процедуры использовать конкретизацию понятий «конфликт социальный» и «конфликт культурный».

Обыденно-познавательный и рационально-научный анализ социального конфликта концеп-

туально разнообразен и теоретически разработан в историко-философской ретроспективе и в современном философском знании. Общепринятым является понимание *социального конфликта* как противоборства индивидов или групп, преследующих социально значимые цели (распределение ценностей, ресурсов, власти и т.д.). Принимая во внимание различие в методологических подходах, обратимся к наследию Г. Зиммеля, так как содержание буквально всех теоретических построений, относящихся к данной теме, сводится к положениям, которые сформулировал немецкий философ в ряде своих работ, обращаясь к проблемам исследования природы и функций социальных конфликтов.

Г. Зиммель убедительно обосновал фатальность социальных конфликтов, детерминированных биологической природой человека [1, с. 114]. Агрессивная и позитивная биологическая составляющая человеческого рода дополняется, согласно его мнению, противоречивыми реалиями социальной структуры общества, которой присущи процессы ассоциации и диссоциации, гармонии и хаоса. Неизбежность социальных конфликтов заложена в несовпадении и, как следствие, в противостоянии прагматических, экономических, политических, собственнических, правовых интересов.

Апеллируя к теоретическому наследию Г. Зиммеля, следует признать, что конфликты, интерпретируемые как социальные, вариативны в своей типологической сущности. История и настоящее человечества содержат многочисленные примеры социальных конфликтов, которые типичны в силу контекстуальности и происхождения: социальное и экономическое